

Litera

Правильная ссылка на статью:

Менжулина Д.Е. Метафорическое структурирование представлений о любви участников публичного диалога // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.72145 EDN: RFNEOZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72145

Метафорическое структурирование представлений о любви участников публичного диалога

Менжулина Дарья Евгеньевна

ORCID: 0000-0003-2147-2886

старший преподаватель; кафедра русского языка как иностранного; Дальневосточный федеральный университет

690922, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Аякс, 10, каб. D524

✉ koffikor@yandex.ru

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.9.72145

EDN:

RFNEOZ

Дата направления статьи в редакцию:

31-10-2024

Аннотация: В данной статье мы ставим целью рассмотреть метафорическую презентацию явления любовь в публичном диалоге и установить мотивированную связь между структурной метафорой и эмоцией, с которой она ассоциируется. В данной работе нас интересует только структурная метафора, а не все типы метафор. Материалом исследования являются расшифрованные телевьювью телепередачи «Белая студия» с Дарьей Златопольской. Гостями телепередачи являются представители творческих профессий (артисты, режиссёры, музыканты и др.), мужчины. В центре нашего внимания оказывается только представление о любви как о сфере межличностных отношений. Особое внимание уделяется описанию процесса возникновения метафоры. Кроме того, в работе представлены языковые средства, демонстрирующие перенос признаков сферы-источника на сферу-мишень при метафорической проекции. В ходе исследования нами использовались метод научного наблюдения, описательный метод (включающий приёмы наблюдения, обобщения, интерпретации), метод семантического анализа, метод контекстуального анализа, метод прагматического анализа. Научная новизна

исследования заключается во взгляде на метафорический перенос в контексте публичного диалога, в котором перенос одной ситуации на другую не ограничивается одним необычным словоупотреблением, а разворачивается на протяжении целого коммуникативного эпизода или его части. В результате исследования выявлена мотивированная связь между эмоцией и метафорой, выявлено что привело к созданию говорящими метафорического переноса, структурирующего целые фрагменты интервью. Выявлены когнитивные механизмы метафоризации явления любовь, основанные на разной степени устойчивости в представлениях говорящих. Сделан вывод о том, что метафорический перенос структурирует и связывает коммуникативные эпизоды телес访谈 как коммуникативного события, выполняя интегрирующую функцию. В процессе беседы ведущий и собеседники "подсвечивают" те или иные аспекты сферы-источника или сферы-мишени, что приводит к сужению или расширению используемой метафоры на протяжении нескольких коммуникативных эпизодов.

Ключевые слова:

метафора, метафорический перенос, структурная метафора, диалогическая речь, коммуникативный эпизод, эмоциональные состояния, любовь, когнитивная метафора, публичный диалог, телес访谈

Роль метафоры в описании эмоциональных состояний человека: обзор научной литературы

Метафора с античных времён была предметом интереса учёных. Рассматриваемая изначально только как средство риторики, с 1980-х годов метафора вызвала новую волну интереса лингвистов как особый механизм познания мира, отображающий специфику его восприятия в семантической структуре языковых знаков [1-7]. Ещё больше интерес к метафоре усилили новые исследования XXI века, знаменующиеся появлением новых когнитивных подходов к изучению познания [8-11].

До 1950-х гг. метафорические переносы осмысливались как явления, не поддающиеся систематизации и моделированию [12, с. 68]. Доказать системный и регулярный характер формирования определённых метафорических переносов удалось благодаря исследованиям, посвящённым анализу метафоризации в отдельных лексико-семантических группах, тематических группах и семантических полях [13, 14, 15]. Особое значение в этом отношении сыграла функциональная типология метафор Н. Д. Арутюновой [3; 2] и В. Н. Телия [6; 7]. Поворот современной лингвистики к эгоцентризму заставил обратить внимание исследователей на когнитивный статус метафоры, которая «возникает в силу глубинных особенностей человеческого мышления» [16, с. 11].

В основу когнитивной (концептуальной) теории метафор, которую традиционно связывают с именами Джорджа Лакоффа и М. Джонсона, легко представление о метафоричности человеческого сознания. Исследователи рассматривают метафоризацию как процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов – сферы-источника и сферы-мишени. В результате метафорической проекции (чаще односторонней) область сферы-мишени структурируется по образу сферы-источника. Знания, составляющие концептуальные домены, формируются из опыта взаимодействия человека с окружающим миром. Наибольшую часть знаний составляет физический опыт взаимодействия с материальным миром, что в языке находит отражение в виде

онтологических метафор [\[17\]](#). «Метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нем» [\[18, с. 14\]](#).

Большой интерес представляют различные эмоциональные состояния, которые, по мнению большинства исследователей (Чурилина Л.Н., Телия В.Н., Дж. Лакофф и др.), концептуализируются в языке именно через метафоры. Эта склонность использовать единицы вторичной номинации для объяснения эмоций объясняется тем, что эмоции недоступны прямому наблюдению, являясь абстрактным явлением, которое не всегда возможно «перевести в слова». Это вынуждает говорящего или указывать своему собеседнику на ситуацию, в которой обычно возникает данное явление, либо сравнивать выражющую эмоцию с другим явлением, то есть уподоблять абстрактный опыт чувств своему опыту взаимодействия с реальным, конкретным предметом. [\[20, с. 294.\]](#) «Языковые средства выражения эмоций в высшей степени метафоричны. Эмоция практически никогда не выражается прямо, но всегда уподобляется чему-то» [\[11, с. 387\]](#) В результате переосмысливания конкретных явлений и переноса их признаков в область психологической деятельности человека рождаются метафоры. Поэтому наиболее адекватным способом лингвистического описания эмоций можно считать описание последних через метафоры, в которых эти эмоции концептуализируются в языке. [\[20, с. 295\]](#).

«Любовь» как сфера-мишень метафорического переноса

Одно из наиболее частых эмоциональных состояний, которое мы пытаемся объяснить через метафору, это любовь. Лакофф и Джонсон пишут, что концепт ЛЮБВИ в основном выражен следующими метафорическими моделями: ЛЮБОВЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ ЛЮБОВЬ – ЭТО БОЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕК, ЛЮБОВЬ – ЭТО ФИЗИЧЕСКАЯ СИЛА, ЛЮБОВЬ – СУМАСШЕСТИЕ, ЛЮБОВЬ – ЭТО ВОЙНА, ЛЮБОВЬ – ЭТО КОЛДОВСТВО.

В процессе анализа материалов интервью мы встретили следующие метафорические переносы, когда любовь объяснялась через другое явление или предмет:

- ЛЮБОВЬ – ЭТО БОЛЕЗНЬ (БОЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕК); СТРАСТЬ – ЭТО БОЛЕЗНЬ;
- ЛЮБОВЬ – ЭТО ОБЛАДАНИЕ; ЛЮБОВЬ – ЭТО РАБСТВО; ЛЮБОВЬ – ЭТО ТЮРЬМА;
- ЛЮБОВЬ – НАПОЛНЕННАЯ ЧАША, ЛЮБОВЬ – ЭТО ВИТАМИНЫ.

Рассмотрим подробнее развёртывание метафоры ЛЮБОВЬ – ЭТО БОЛЕЗНЬ на примере интервью с актёром Александром Збруевым. Начало эта метафора берёт от структурной метафоры ЛЮБОВЬ – ЭТО РАБСТВО. Так как большим толковым словарём русского языка рабство определяется как состояние полной зависимости, подчинённости, мы можем говорить о том, что метафора ЛЮБОВЬ – ЭТО РАБСТВО возникла в результате обращения говорящего к «невысвеченней» части общепринятой метафоры ЛЮБОВЬ – ЭТО ОБЛАДАНИЕ.

Рассуждая о том, что такое счастье, Александр Збруев говорит, что он вообще не понимает это чувство, как и любовь, так как оба эти состояния неразрывно связаны с неудачей, болью и потерей. Актёр связывает «прекрасное чувство» любви со страхом и трагедией, говоря, что второго в его жизни было больше. Ведущая, пользуясь тем, что Александр Збруев перешёл на рассуждения о любви, упоминает значимую для него книгу о любви «Митина любовь» и похожую, по её мнению, книгу «Страдания юного Вертера». Александр Збруев перебивает ведущую, предлагая метафору ЛЮБОВЬ – ЭТО

РАБСТВО. По всей видимости, для Збруева эта метафора лежит в основе отношений героев упомянутых книг. Златопольская принимает знаковую систему предложенной метафоры, корректируя вопрос с её учётом.

Збруев: <...> / что такое счастье я вообще не очень понимаю / честно говоря как в любви / любовь она прекрасна она замечательна / но рядом с этой с этим словом с любовью / с этим чувством прекрасным / существует что-то такое / страшное / существует и / и предательство / и ложь / и потеря и это вообще трагедия //

Златопольская: Вот книга которую вы любите в том числе о любви / и очень многие любят это великая о любви книга «Митина любовь» // эта любовь которая абсолютно разрушает человека это / ну там «Страдания юного Вертера» вот у Гёте похожая тоже книга / молодой человек который...

Збруев: Любовь — это рабство //

Златопольская: Любит / да настолько он просто абсолютно / в результате он кончает с собой девушка эта его оставляет / но дело даже не в том что она его оставила и поэтому он покончил с собой / он и когда она была с ним и его любила он тоже не был счастливым / потому что он его мучила ревность и так далее // почему та любовь которую мы видим в книгах / и так ли это в реальной жизни / всегда связано с вот тем о чём вы сказали / с рабством с тем что делает тебя в конечном счёте одновременно несчастливым даже если ты любим взаимно например?

<...>

Златопольская: Но любовь ли это то что уходит? То есть вот условно говоря конечно та любовь которая у Мити / да / Бунинского / понятно что она может либо превратиться в то что он стреляется/ если девушка его оставила если бы она ему ответила взаимностью то может быть / эта любовь его через какое-то время / утихла угасла потому что его любовь она носит исключительно вот такое / как бы эгоцентричное в общем достаточно он он весь в своих переживаниях / она его вообще очень мало интересует //

Збруев: Вообще-то это превращается в болезнь честно говоря // это вот так же как вот предположим если возвратиться / я люблю этого писателя очень Бунин / да?

Златопольская: Да //

Збруев: И если вспомнить его все произведения / почти все произведения которые он написал...

Златопольская: Да //

Збруев: Рассказы или новеллы / где / он говорит о любви / они все заканчиваются либо драмой какой-то либо сожалением либо трагедией / понимаете / и это не просто так это человек / который очень / это чувственный человек очень / он чувствовал / очень чувствовал женщину / он чувствовал свои чувства по отношению к женщине / был очень требователен к этому // у меня такое ощущение что он пишет о людях / без кожи // Они без кожи / вот та же самая предположим «Митина любовь» / да? вот человек но он болен / он просто болен Митя болен / он влюбился да / уже дальше влюбляться было некуда / и в каждом её слове в слове Кати / да? Катя её звали да?

Златопольская: Да Катя //

Збруев: Вот он слышал / то что может быть не надо было услышать / но он уже отмечал

для себя какие-то **царапины** на своём **сердце** в этот момент да / и ему **становилось** все тяжелее и тяжелее и тяжелее эти **царапины превращались в кровавые раны** и он **себя довел до** бог знает чего / и он **стал просто больным человеком** / и что а кто его сделал **больным человеком**?

<...>

Збруев: <...> То ли страх был потому что это была первая **любовь** которая его **захлестнула** это был **девятый вал любви** да / но это вот это / и он действительно **без кожи**...

Златопольская: А что **делает человека больным**? Вот почему человек ведь любовь вообще-то / она должна **делать** человека **счастливым** // Я в это вообще верю / что **любовь** должна **делать счастливым** более того если это не происходит / значит что-то не так / значит значит это не любовь // Почему? Вообще //

<...>

Любовь понимается актёром как чувство, которое полностью подчиняет человека, лишает его воли и делает зависимым от этого чувства и человека, это чувство вызывающее. Любовь – чувство, которое по мнению ведущей, должно вызывать счастье, а по словам гостя интервью, всегда идёт вместе с трагедией, чувствами разрушительными. Златопольская задаётся вопросом, всегда ли любовь связана с рабством и возможно ли быть только счастливым, если любовь взаимна. Збруев говорит о любви как о том, что может «уйти», «угаснуть» или «превратиться в болезнь». Болезнь тоже погружает человека в состояние, лишённое воли, состояние беспомощности. Метафорический перенос, в результате которого Збруев рассуждает о любви, как о болезни, отражён в выборе лексике. Так, фрагменты интервью, связанные общей темой, структурированные метафорой **ЛЮБОВЬ – ЭТО БОЛЕЗНЬ**, наполнены лексикой, которая можно объединить в лексико-тематические группы с ядерными (доминантными) семами **«ЛЮБОВЬ»** и **«БОЛЕЗНЬ»**. Наполненность ЛТГ большим количеством «физической лексики», используемой во вторичных, метафорических смыслах, в этом и других случаях связана с тем, что внутренний мир человека моделируется по образцу внешнего, материального мира [4, с. 95].

В ЛТГ **«ЛЮБОВЬ»** вошли группы слов и выражений со следующими значениями:

Испытываемые положительные эмоциональные состояния: любить, влюбиться, чувствовать, дышать полной грудью, взаимно (любить), любовь, счастье;

Испытываемые негативные эмоциональные состояния: жалость, обязанность, переживания, ревность, мучила (ревность), боль;

Негативная составляющая межличностного общения: ложь, потеря, предательство.

В ЛТГ **«БОЛЕЗНЬ»** вошли группы слов и выражений со следующими значениями:

Болезнь, физический недуг: превращается в болезнь, болен, царапины на сердце, кровавые раны, без кожи, травма;

Состояние при болезни: страдание, боль;

Тяжёлые последствия: становилось тяжелее, довести себя (до Бог знает чего).

Збруев: **Любовь** – это ведь это и **страсть** / это **страсть** / это ведь с этого все

начинается / хотим мы этого или нет но с этого все начинается <...>

В интервью Александр Збруев подсвечивает один из аспектов любви – страсть. Выделение страсти как одного из аспектов любви мы можем видеть и в интервью с Валерием Тодоровским, что приводит к сужению сферы-мишени метафорического переноса: **ЛЮБОВЬ – ЭТО БОЛЕЗНЬ à СТРАСТЬ – ЭТО БОЛЕЗНЬ.**

<...>

Златопольская: *Вот если мы уже начали немножко говорить как бы о вот этом понятии долга / в применительно к такой важной сфере как **любовь** / и здесь мы приходим к другой книге Толстого которую вы тоже называете как одну из своих любимых...*

Тодоровский: Анну Каренину?

Златопольская: Да // Вы сказали что это на ваш взгляд / одна из лучших лучшая книга о любви // О любви кого к кому ? вот кто там кого **любит** / ваш взгляд?

Тодоровский: Ну / мы сейчас будем погружаться я надеюсь вернее не будем погружаться в эти темы под названием / что такое **любовь**? Что есть любовь? [нрзбр.] любовь?

<...>

Новый коммуникативный эпизод маркируется сменой темы: Златопольская апеллирует к одной из любимых книг Тодоровского «Анна Каренина» и пытается сместить акцент с чувства (профессионального) долга на понятие долга применительно к сфере любви. Этот коммуникативный эпизод связан с введением новой темы – обсуждением книги «Анна Каренина».

<...>

Тодоровский: Понимаете / не в смысле **любви** или **не любви** а в смысле / архетипов отношений / вот / она одна из немногих книг которые / легко просто переносятся на сегодняшний день /

Златопольская: На любой //

Тодоровский: На любое время потому что / и будет сегодня Стива / и Вронский / и Анна и Каренин старший вот / пожалуйста банкир-чиновник старший / потому что это абсолютный энциклопедия всего вот такой квинтэссенции / рассказа про людей / в одной книге я не встречал / и там подняты самые главные вопросы которые волнуют людей каждый день // это / семья / это поиски своего предназначения в жизни / там тот же Левин да? Это / желание счастья и трудности достижения его / невероятное / это **страсть** / и как она проходит / ну то есть эта книга в которой вот такая маленькая в общем Библия нашей повседневной жизни //

<...>

Обсуждая разные типы отношений в романе, Тодоровский определяет то, что происходит между Вронским и Карениной, как страсть. Приведённый коммуникативный эпизод не структурирован метафорами **ЛЮБОВЬ – ЭТО БОЛЕЗНЬ** или **СТРАСТЬ – ЭТО БОЛЕЗНЬ**, тематически связан с другим эпизодом интервью. Коммуниканты возвращаются к обсуждению произведения и любви, в процессе которого Златопольская возвращается к отношениям между Вронским и Карениной, запрашивая у собеседника информацию о

том, какова природа страсти.

<...>

Златопольская: Ну вообще вот **природа страсти** / вот / то что / хорошо то что вот вы видите в Карениной / что она **испытывала** к Вронскому / какова это природа?

Тодоровский: Слушайте это **химическая болезнь** //

Златопольская: Ага //

Тодоровский: а что ещё? Какая может быть здесь природа / это **вид и форма заболевания** // не случайно кстати именно **страсть-то проходит** довольно быстро / то есть она **не держится** / редко...

Златопольская: как грипп?

Тодоровский: да как грипп **как лихорадка** как что-то такое / это **болезнь** безусловно которая **охватывает людей** в какой-то момент / и это очень серьёзно очень **сильное состояние** / и действительно в этом **состоянии** люди реально **проживают** другую **жизнь** они / потом они **меняются** / они могут совершать / поступки которые никогда бы не совершили / если бы не эта **страсть** / они могут **сжечь мосты** / они могут / делать что-то о чём они потом всю жизнь будут **жалеть** но в этом состоянии они это делают / поэтому я отношусь к этому просто как к **болезни / иммунитет** может **возникать** уже у **переболевших** //

Златопольская: То есть ты вдруг понимаешь что «А!»?

Тодоровский: Вот-вот оно начинается вот сейчас / наверное вот если ещё ещё пятнадцать минут и всё **конец** мне / **конец** мне / и вот у **переболевших** да...

Златопольская: А у вас есть **иммунитет** уже?

Тодоровский: Мне кажется что есть //

<...>

В результате метафорического переноса Тодоровский рассуждает о страсти как о болезни. По его мнению, страсть охватывает людей вне зависимости от их желания и заставляет совершать поступки, которые они никогда бы не совершили, если бы не страсть.

Несмотря на то, что Тодоровский говорит о страсти, коммуникативный эпизод, структурируемый метафорой СТРАСТЬ – ЭТО БОЛЕЗНЬ, в основном наполнен лексикой которую можно объединить в лексико-тематическую группу с ядерной (доминантной) семой «БОЛЕЗНЬ». Лексико-тематическая группа с ядерной (доминантной) семой «СТРАСТЬ» малочисленна.

ЛТГ «**СТРАСТЬ**» наполнена группами слов и выражений со следующими значениями:

Непродолжительность, быстротечность: (страсть) проходит, не держится;

Эмоциональные состояния: испытывать (страсть), страсть, жалеть (о том, что сделано в состоянии страсти);

Необдуманные действия: совершать (поступки, испытывая страсть), сжечь мосты, прожить (другую жизнь);

Оказываться под влиянием чего-то: (люди) меняются (под влиянием страсти).

В ЛТГ «**БОЛЕЗНЬ**» вошли следующие группы слов и выражений:

Заболевание: болезнь, вид и форма заболевания, (химическая) болезнь, грипп, лихорадка, иммунитет, переболевшие, (сильное) состояние (в момент болезни);

Внезапно возникшее состояние: охватывает (людей).

Таким образом мы можем сказать, что метафорический перенос, в результате которого любовь осмысляется в терминах болезни мотивирован сходством «протекания» эмоции с протеканием болезни, что делает возможным использование одних языковых средств для описания обоих явлений.

Структурную метафору **ЛЮБОВЬ – ОБЛАДАНИЕ** мы видим в интервью Дары Златопольской с английским актёром Рэйфом Файнсом. Несмотря на то, что оригинальный язык интервью – английский, опираясь на официальный перевод передачи, мы можем проследить как метафора структурирует коммуникативный эпизод и представления говорящих о любви.

Начало коммуникативного эпизода маркируется апелляцией к фильму «Английский пациент», в котором сыграл Райф Файнс. Златопольская вспоминает слова персонажа Файнса о том, что ему больше всего не нравится чувство собственничества, обладание, которое приходит вместе с любовью. Своим следующим вопросом Златопольская демонстрирует согласие с героем фильма, ставя равно между любовью и желанием обладать. Принимая предложенную знаковую систему, Файнс говорит о том, что часто любовью называют желание контролировать другого человека. Несмотря на то, что Файнс не согласен с таким пониманием любви, он принимает предложенную знаковую систему, говоря о любви как желании обладать и контролировать другого человека, то есть сделать его зависимым.

<...>

Златопольская: В «Английском пациенте» есть диалог с героиней Кристин Скотт Томас / и ваш персонаж говорит что ему больше всего не нравится **чувство собственничества** // Это относится ко многим вашим картинам / это **чувство обладания** которое **приходит** вместе с **любовью** / почему откуда возникает эта наша **потребность владеть людьми** / которых мы **любим**?

Файнс: Я думаю что всё дело в нашей **собственной неуверенности** / мы часто очень **яззвимы** // Если посмотреть на эти невероятные **приливы чувств** / которое Джордж Бернард Шоу называл **жизненной силой** проходящей через нас / мы часто сами не знаем её природы / эти **приливы эмоций** и **страсти** часто связаны с тем чего нам не хватает в нас самих / и мы как нам кажется / находим ответ в этом человеке / и именно поэтому нам так важно **захватить** и **присвоить** его / и конечно я думаю что каждый человек / как минимум в западной культуре / лелеет идею **романтической любви** / **чувствам всей жизни** которые нужно **найти** / и часто **эмоции управляют** нами / в то время как в других культурах с более традиционным подходом к браку / в отношении этой сферы существуют своды правил / и **взрывам эмоций** просто нет места // Я конечно не эксперт в этих вопросах / часто то что называют любовью / я бы любовью не назвал // Зачастую это **попытка** / **контроля одного человека другим** / это **зацикленность** на себе и своих **чувствах** / хотя тому / кто это **испытывает** и может казаться что он весь **заключен в другом человеке** и **посвящает себя** ему / многие

браки на мой взгляд разрушаются из-за этого // Есть этот элемент и в Двух женщинах / это жажда контролировать объект любви / она есть в страсти Натальи Петровны к этому молодому человеку / я имею в виду что эти две дамы / особенно Наталья Петровна / её любовь к молодому юноше-учителю / это именно та сила которая возникает в людях / это в каком-то смысле безумие /

Златопольская: Да / как в Ане Карениной я уверена что вы читали этот роман / история похожа / вы ищете что-то чего не хватает в вашей жизни / вам скучно / вы стареете или / возможно вы хотите удовлетворить свои амбиции / как молодая актриса с которой был роман у Чарльза Диккенса / я считаю ее амбиции были большой частью ее страсти / и вы находите вот все это в ком-то / и хотите этого для себя? Хотите захватить этого человека?

<...>

В ЛТГ «ЛЮБОВЬ» вошли следующие группы слов и выражений:

Положительные эмоциональные состояния: страсть, романтическая любовь, любовь;

Негативные эмоциональные состояния: неуверенности, уязвимы, безумие;

Внезапное и бурное проявление какого-нибудь внутреннего состояния: приливы (чувств, эмоций и страсти), взрыв (эмоций), жизненная сила, (чувства) всей жизни, безумие.

В ЛТГ «ОБЛАДАНИЕ» вошли следующие группы слов и выражений:

Контроль над кем-то или чем-то: владеть (людьми), захватить, присвоить, контролировать (объект любви или страсти), (эмоции) управляют, попытка (контроля), зацикленность (на себе и своих чувствах), заключён (в другом человеке), посвящает (себя другому);

Чувства (деструктивные): чувство собственничества, чувство обладания, жажда (контролировать).

В этом отрывке концепт ЛЮБОВЬ структурируется более чем одной метафорой, сочетающимися друг с другом: любовь устойчиво связывается с зависимостью и болезнью, что выражается в смешении ЛТГ «ЗАВИСИМОСТЬ» и «БОЛЕЗНЬ».

В интервью с Павлом Лунгином мы можем наблюдать как ЛЮБОВЬ структурируется через метафору ЛЮБОВЬ – ЭТО ТЮРЬМА, которая возникает в результате сужения метафоры ЛЮБОВЬ – ЭТО ОБЛАДАНИЕ. Тюрьма – место заключения людей, но в отличие о болезни, тюрьма лишает человека не воли поступать разумно, а ограничивает его физическую свободу и свободу принимать решения самостоятельно, без чужого разрешения.

В процессе коммуникации Златопольская апеллирует к одному из любимых фильмов Павла Лунгина «Дети рая». Ведущая задаётся вопросом, является ли любовью тот формат отношений, который изображён в фильме: любящий человек заставляет объект своих чувств оставаться рядом, хотя знает, что любовь не взаимна. Этот вопрос приводит коммуникантов к размышлению о том, что такое любовь. Лунгин говорит о любви как о сущности, с которой воюют и борются люди, от которой можно умереть. В этих размышлениях мы видим онтологическую метафору ЛЮБОВЬ – ЭТО СУЩНОСТЬ.

Спустя несколько коммуникативных эпизодов, Златопольская возвращает разговор к упомянутому ранее фильму «Дети рая», пересказывая слова главной героини о её поклоннике. Лунгин принимает предложенную тему, называя описанную любовь

«уродливой», когда один человек навязывает свою волю другому, «заключая в тюрьму», «заковывая в оковы». Эта метафора структурирует и следующий коммуникативный эпизод интервью, в котором Павел Лунгин рассказывает об отношениях героев в снятом им фильме.

<...>

Златопольская: Именно / но понимаете вот если говорить об этой любви / а вот например героиня картины «Дети райка» Гаранс / она говорит о своём как бы...

Лунгин: Арлетти / блестящая //

Златопольская: Блистательная актриса да // Она говорит о **своём поклоннике** который её **любит** и говорит / вот Вы сломали я был такой сильный мужчина а теперь я **у Ваших ног** там навсегда и так далее / вот он её очень любит / как бы / но при этом она говорит о нём что его **любовь** такова / что ему не важно **люблю** ли я его / ему важно чтобы я **не любила** никого **другого** // Значит человек который живёт с тем / кого он **не любит** / и **не любит** никого **другого** / человек по определению **несчастливый** / как минимум лишающий себя большой области / в которой в общем / по свидетельству очевидцев находится **счастье** // И тем не менее **любящий** её **мужчина** / именно этого для неё желает //

Лунгин: Из **уродливой личности** вырастает **уродливая любовь** // Есть наверное / люди / которые **навязывая** свою **волю** так сказать / **заключая людей в тюрьму / в темницу** своей **воли** вообще / то есть **чувство как проявление воли** / и **заковывая** вообще в **оковы** / себя для них наверное для них это вызывает какой-то...

Златопольская: но часто эти **оковы** выглядят как раз как вроде как бы как **слабость** и **жертвенность** / вот ведь героиня / фильма «Дирижёр»...

Лунгин: Это жестоко да конечно / там она она совершенно очевидно что она... её роль ужасна в этом фильме / это «Дирижёр» это новый фильм который я снял на музыку / Иллариона Алфеева митрополита / который / кроме того что митрополит ещё замечательный композитор // И эта история оркестра который едет оркестра и хора который едет в Иерусалим для исполнения оратории «Страсти по Матфею» там есть такая **пара** / музыкантов / певцов которые / **живут** вот как мы часто знаем **на навязывании** / в которой **женщины держат в тюрьме** / своего **мужа** и каждый раз когда он **пытается выскочить из тюрьмы** / она **жестоко пресекает** это / продолжается тем что она невольно творит зло / приводит к гибели / той женщины которая / в которую влюблён её муж // Наверное лет / там не знаю десять тому назад я бы сказал конечно это дурно / конечно это ужасно / но но у меня сейчас такое чувство что **каждый выживает** как может / <...>

ЛТГ «**ТЮРЬМА**» наполнена словами со следующими значениями:

Принуждение, насилие: навязывать (волю), держать (в тюрьме), заключать (в тюрьму, в темницу), заковывать (в оковы), выскочить (из тюрьмы), пресекать (попытку прекратить насилие), жить (на навязывании), выживать, (находиться) у ног; воля (чужая);

Характеристика отношения к объекту контроля: жестоко (пресекать).

ЛТГ «**ЛЮБОВЬ**» наполнена словами со следующими значениями:

Участники межличностных отношений: **поклонник**, муж, женщина, пара, личность, (любящий) мужчина, другой;

Эмоции: чувство, любовь, несчастливый (без любви), счастье;

Черты характера: слабость, жертвенность;

Эмоциональная оценка: тяжёлая, уродливая (любовь).

Метафоры ЛЮБОВЬ – ЭТО НАПОЛНЕННАЯ ЧАША и ЛЮБОВЬ – ВИТАМИНЫ, на наш взгляд являются индивидуальными творческими (нетипичными) метафорами, когда коммуниканты создают новую метафору, ранее не использовавшуюся для структурирования понятийной системы человека.

Сложнее оказалось установить мотивацию метафоры ЛЮБОВЬ – ЭТО НАПОЛНЕННАЯ ЧАША, встреченную в интервью Дарьи Златопольской с актером и режиссером Сергеем Юрским. Данная метафора ограничена ответной репликой гостя и является одиночной, то есть не повторилась в других просмотренных интервью или других исследованиях. Любовь Юрским одновременно сравнивается с наполненной чашей и самой жидкостью в этой чаше. Структурная метафора ЛЮБОВЬ – ЭТО НАПОЛНЕННАЯ ЧАША совмещается онтологической метафорой ЛЮБОВЬ – ЭТО СУЩНОСТЬ. В основу понимания абстрактного явления любовь Юрский кладёт свой опыт взаимодействия с материальным миром, а именно жидкостью, которая может испариться, и чашей, которая может упасть и разбиться. По аналогии с этими предметами любовь осмысливается как что-то хрупкое и то, что легко может исчезнуть, «испариться». Несмотря на то, что мы определили эту метафору как нетипичную, сравнение с жидким веществом частотно для описания многих внутренних состояний человека, не только для любви. Нам присуще говорить об эмоциях как о том, что может, например, «захлестнуть» нас. [\[21, с. 389\]](#) Любое чувство, не только любовь, имеет тенденцию разрастаться и заполнять человека, превращая душу в «сосуд» духовных переживаний человека [\[4, с. 98\]](#)

Златопольская: А что на ваш взгляд главное **несёт любовь мужчине и женщине?**

Юрский: Просто жить свою жизнь и пытаться / ощутить / что это значит а сейчас вот когда я уже в моём возрасте / понять / что самое главное в остатке сберечь / потому что как всякая / наполненная чаша жидкостью / либо она испарится / либо она прольётся / либо она разобьётся / эта чаша / рано или поздно / она не может вечно стоять // В конце концов если очень долго она просто испарится / но это **жидкость** / а человек / обладает / **умным сердцем и сердечным умом** поэтому тут... всё гораздо сложнее значит // Что самое главное / за что **зациклился** чтобы / эта чаша / не оказалась просто ничем? Это ну вечный вопрос я думаю / всегда //

В интервью с режиссером Петером Штайном мы обнаружили структурную метафору ЛЮБОВЬ – ЭТО ВИТАМИН, мотивацию которой раскрывает сам Петер Штайн. Прочитав книгу В. Гроссмана «Жизнь и судьба» о том, что потребность в любви – это авитаминоз души, Штайн не просто соглашается с этой знаковой системой, а перенимает её, апеллируя к этой идеи в интервью с Дарьей Златопольской. Метафора ЛЮБОВЬ – ЭТО ВИТАМИН (для души) структурирует конец коммуникативного фрагмента, который одновременно является концом интервью, но на примере этого фрагмента мы можем увидеть, что любовь отождествляется с тем, без чего не может продолжить жить и существовать живой организм. То есть в метафоре ЛЮБОВЬ – ЭТО ВИТАМИН душа отождествляется с организмом человека, которому для продолжения функционирования нужно получать витамины, а любовь осмысливается как витамин, который будет обеспечивать функционирование души. В основу метафоры лёг опыт взаимодействия

человека с окружающим миром, а точнее, опыт взаимодействия с собственным организмом. Несмотря на то, что мы пока не встретили повторение данной метафоры в других интервью, мы можем предположить, что данная метафора будет понятной не только читателям романа В. Гроссмана, так как в её основе лежит не только прецедентный текст, но и физический опыт взаимодействия с миром.

Златопольская: Это конечно очень интересно что вы говорите о них именно втроём / потому что именно это сделал Верди // У него в конце оперы есть дуэт умирающих влюблённых который становится трио / в каком-то смысле они принимают её в свой круг несчастных влюблённых // Вы поставили историю любви // Скажите мне / что для вас **любовь?** Как бы вы определили это понятие / **любовь?**

Штайн: Как раз / работая / сейчас / здесь / я прочитал книгу которую привез с собой // Это роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» / в ней 1100 страниц в немецком переводе / и я её здесь прочитал // Я невероятно рад что мне выпал шанс прочитать эту книгу здесь в Москве / я считаю что это трагедия что автор не получил Нобелевскую премию // Для меня это совершенно фантастическая книга / в каком-то смысле я ставлю её выше Достоевского // В этом романе герои рассуждая о **любви** / называют **потребность в ней авитаминозом души** / это определение Гроссмана // Я думаю что это очень точно / нашей **душе нужен витамин** / **без любви невозможно жить** / понимаете о чём я? И ещё мне нравится что в этом определении есть ирония / и это близкое мне состояние души //

Выводы

Явление ЛЮБОВЬ структурируется более, чем одной метафорой, которые сочетаются друг с другом. Каждая из рассмотренных метафор формирует определенный взгляд на концепт ЛЮБВИ и структурирует одно из многих свойств этой категории.

В процессе коммуникации метафора может видоизменяться в результате сужения коммуникантами части уже используемой метафоры: ЛЮБОВЬ – ЭТО БОЛЕЗНЬ à СТРАСТЬ ЭТО БОЛЕЗНЬ; обращения к неиспользуемой части общепринятой метафоры: ЛЮБОВЬ - ЭТО ОБЛАДАНИЕ à ЛЮБОВЬ ЭТО РАБСТВО / ЛЮБОВЬ – ЭТО ТЮРЬМА; создания новой метафоры, ранее не использовавшейся для структурирования понятийной системы человека: ЛЮБОВЬ – ЭТО НАПОЛНЕННАЯ ЧАША, ЛЮБОВЬ – ЭТО ВИТАМИНЫ.

Участниками публичного диалога, как правило, становятся люди, не связанные близкими отношениями. Этой особенностью публичного диалога обусловлены стадии изменения метафоры в ходе коммуникации: предложение знаковой системы в виде метафорического переноса à раскрытие знака для собеседника à принятие или непринятие знаковой системы собеседником à постоянное возвращение к заданной знаковой системе. Говоря о чём-то, коммуникант не ограничивается сжатым обозначением, а раскрывает знак для собеседника, чтобы прийти к общей знаковой системе в коммуникации и достичь взаимопонимания. Последующее возвращение в рамки заданной знаковой системы говорит о её принятии собеседником, что позволяет коммуникантам идентифицировать себя как «свой» - «свой».

В результате любовь рассматривается как источник других эмоций и состояний как положительных (страсть, счастье), так и отрицательных (ревность, страдание, боль, жажда).

Метафора ЛЮБОВЬ – ЭТО БОЛЕЗНЬ и СТРАСТЬ – ЭТО БОЛЕЗНЬ становятся возможны благодаря устойчивой связи любви с идеей нарушения нормы — безумием, болезнью:

безумие, болезнь, травма, царапины, рана, без кожи; кровавые, тяжелее, больной человек; довести себя до.

Метафора ЛЮБОВЬ – ЭТО ОБЛАДАНИЕ и вытекающие из неё метафоры ЛЮБОВЬ ЭТ РАБСТВО / ЛЮБОВЬ – ЭТО ТЮРЬМА мотивированы устойчивой связью любви с идеей лишения свободы, когда мы либо находимся в зависимости от другого человека, либо испытываем желание контролировать объект нашей любви: *навязывать (волю), держать (в тюрьме), заключать (в тюрьму, в темницу), заковывать (в оковы), выско치ть (из тюрьмы), пресекать (попытку прекратить насилие), жить (на навязывании), выживать, (находиться) у ног.*

Любовь оценивается как чувство, являющееся источником положительно окрашенных состояний, и одновременно — как причина страданий, как болезнь. В противовес этому в ограниченном количестве случаем любовь может быть и лекарством. Люди стремятся к любви, считая, что без неё нельзя быть счастливым, но оценивают её как безумие и потерю личной независимости.

Библиография

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва: Языки русской культуры, 1998. – XV, 895 с.
2. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1979. – С. 147-173.
3. Арутюнова Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1978. – Т. 37. С. 333-343.
4. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
5. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. – Санкт-Петербург: Наука, 1993. – 150 с.
6. Телия В. Н. Предисловие // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 3-9.
7. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 173-204.
8. Будаев Э. В. Становление когнитивной теории метафоры / Э. В. Будаев // Лингвокультурология. – Вып. 1. – Екатеринбург, 2007. – С. 16-32.
9. Чудинов А. П. Становление и эволюция когнитивного подхода к метафоре / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев // Новый филологический вестник. – 2007. – № 1(4). – С. 8-27.
10. Баранов А. П. Дескрипторная теория метафоры / А. П. Баранов; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 630 с.
11. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: УРСС, 2004. – 254 с.
12. Аристотель. Поэтика / пер. и прим. Н. И. Новосадского. – Л.: Academia, 1927. – 120 с.
13. Аникин Е. Е. Спортивно-игровая метафора как средство концептуализации президентских выборов США 2008 года (на материале британских СМК) // Политическая лингвистика. Екатеринбург. – Вып. 1(35). – 2011. – С. 87-96.
14. Брагина Н. Г. Метафоры игры в описаниях мира человека (межличностные отношения) // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. – М.: Индрик, 2006. – С. 120-143.
15. Балашова Л. В. Русская метафора. Прошлое, настоящее, будущее: моногр. / Л. В. Балашова. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 493 с.

16. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 11-26.
17. Баранов А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004 – С. 7-21.
18. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры / перевод под редакцией Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской; вступительная статья и составление Н. Д. Арутюновой; автор примечаний М. А. Кронгауз. – Москва : Издательская группа "Прогресс", 1990. – С. 5-32.
19. Чурилина Л. Н. Концепт «Любовь» как фрагмент коллективной и индивидуальной картины мира: ассоциативный аспект // Актуальные проблемы современной лингвистики. – М., 2008. – 221 с.
20. Апресян Ю. Д., Апресян В. Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. – 1993. – Выпуск № 3. – С. 27-35.
21. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва: Языки русской культуры, 1998. – XV, 895 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает метафорическое структурирование представлений о любви, актуальность изучения которого не вызывает сомнения: исследования метафоры как способа познания национального характера занимают значительное место в современной лингвистике и продолжают оставаться перспективными. В последние десятилетия в рамках когнитивного подхода особое внимание уделяется изучению метафоры, о чем говорит и автор статьи, апеллируя к трудам Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона: «Исследователи рассматривают метафоризацию как процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов – сферы-источника и сферы-мишени. В результате метафорической проекции (чаще односторонней) область сферы-мишени структурируется по образу сферы-источника». Кроме того, в русле исследований языковой картины мира, как системы концептов, имеющих языковое оформление, важными являются проблемы представления отдельным человеком универсальных понятий, к которым, бесспорно, относится любовь. Учитывая, что «наиболее адекватным способом лингвистического описания эмоций можно считать описание последних через метафоры, в которых эти эмоции концептуализируются в языке» (Ю. Д. Апресян, В. Ю. Апресян), видится целесообразным изучение концепта «любовь» в качестве «сферы-мишени метафорического переноса».

Теоретической основой исследования обоснованно выступили труды таких российских и зарубежных ученых, как Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия, В. Г. Гак, Э. В. Будаев, А. П. Чудинов, Ю. Д. Апресян, В. Ю. Апресян, А. П. Баранов, Л.Н. Чурилина, Н. Г. Брагина Дж. Лакофф, М. Джонсон и др., посвященные различным аспектам изучения метафоры (когнитивная теория метафоры, роль метафоры в создании языковой картины мира, метафора в семантическом представлении эмоций, метафора и дискурс, метафоры игры в описаниях мира человека) и собственно концепту «любовь», как фрагменту коллективной и индивидуальной картины мира. Библиография статьи насчитывает 20 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Последний, 21-й источник, нужно убрать, так как он

дублирует первый (Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека). К сожалению, автор(ы) не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе.

Методология проведенного исследования в работе не раскрывается, но очевиден ее комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы в исследовании использованы общенаучные методы анализа и синтеза, сравнительный и описательный методы, социокультурный и художественный анализ, а также метод дискурсивного анализа, который представляет собой совокупность взаимосвязанных подходов к изучению дискурса и функционирующих в нем языковых единиц, как и различных экстралингвистических аспектов. Метафорическое структурирование представлений о любви рассматривается на материале публичного диалога Дарьи Златопольской с Александром Збруевым, Валерием Тодоровским, Павлом Лунгином, Сергеем Юрским, с английским актёром Рэйфом Файнсом, с немецким театральным режиссёром Петером Штайном (полагаем, в программе «Белая студия»). Однако, на наш взгляд, фрагменты интервью занимают слишком много места в статье.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) изучить метафорические модели, через которые в основном выражен концепт «любовь», и сформулировать ряд выводов относительно исследуемого предмета: «явление «любовь» структурируется более, чем одной метафорой, которые сочетаются друг с другом. Каждая из рассмотренных метафор формирует определенный взгляд на концепт «любовь» и структурирует одно из многих свойств этой категории», «в процессе коммуникации метафора может видоизменяться в результате сужения коммуникантами части уже используемой метафоры» и пр. Автор(ы) провели достаточно серьезный анализ состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых и примеры сопровождаются авторскими комментариями.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит вклад в изучение функционирования концептуальных метафор с концептом «любовь». Практическая значимость исследования определяется тем, что его материалы могут использоваться в вузах гуманитарного направления при изучении курсов по теории языка, когнитивной лингвистике, по лингвистическому анализу дискурса, лексикологии и стилистике.

Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание статьи соответствует названию, логика исследования четкая. Все замечания носят рекомендательный характер. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».